

RU

Модель описания речевого жанра «духовный дневник»: основные параметры и воплощение (стилистический и теолингвистический аспекты)

Смолина А. Н.

Аннотация. Цель исследования - разработать модель речевого жанра «духовный дневник» и представить его особенности с помощью данной модели. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем с позиций стилистики и теолингвистики анализируется ранее не изученное явление русского языка, показывается реализация модели, созданной с учетом религиозного содержания выделенной жанровой формы, дается ее дефиниция. В результате доказано: духовный дневник - речевой жанр, характеризующийся особой адресантностью (автор - церковный писатель, адресующий тексты самому себе); интенциональностью, связанной со стремлением к обожению и спасению; репрезентацией идеи спасения, покаяния; наличием в композиции компонентов с христианским содержанием; бытованием религиозных терминов; религиозной событийностью; ауторефлексивностью, вербально эксплицирующей теоцентризм, христоцентризм, эсхатологизм, провиденциализм, сотериологизм.

EN

Model for the Description of the “Spiritual Journal” Speech Genre: The Main Parameters and Implementation (Stylistic and Theolinguistic Aspects)

Smolina A. N.

Abstract. The purpose of the study is to develop a model of the “spiritual journal” speech genre and present its features using this model. The study is novel in that it analyses a previously unexplored phenomenon of the Russian language from the standpoint of stylistics and theolinguistics, shows the implementation of the model created taking into account the religious content of the selected genre form, provides a definition of the said genre form. As a result, it has been proved that the spiritual journal is a speech genre characterised by the following: the addresser’s special position (the author is a church writer who addresses his texts to himself); intentionality associated with the pursuance of deification and salvation; the representation of the ideas of salvation, repentance; the presence of components with Christian content in the composition; the presence of religious onyms; religious eventivity; autoreflexivity, verbally explicating theocentrism, Christocentrism, eschatology, providentialism, soteriology.

Введение

Жанровая форма дневника достаточно подробно описана в современной российской филологии. Прежде всего стоит обратить внимание на научные исследования Т. Г. Рабенко (2018; 2020a; 2020b; Лебедева, Рабенко, 2018), посвятившей данному жанру целый ряд работ: «Вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника)», «Жанровое имя как фактор стабилизации речевого жанра (на материале жанра дневника)», «Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров “личный дневник”, “личное письмо”, “личная записка”)», «Аксиологические доминанты дневникового жанра (на материале личных дневников)». Об особенностях дневника как жанра Т. Г. Рабенко (2020b) пишет: «Жанровой доминантой дневника является признак автоадресантности. Он детерминирует остальные характеристики жанра, прежде всего его функционально-целевой параметр. Для дневникового жанра важна аутокогнитивно-социализационная функция... предполагающая посредством более или менее регулярной фиксации каждодневных дел, текущих событий систематизацию внутренней жизни автора,

возможность самопознания» (с. 7). Говоря о вариативности жанра, автор указанных работ отмечает, что «вариантный ряд дневникового жанра включает а) рукописный дневник, б) интернет-дневник, в) дневник как часть или форму повествования художественного произведения, г) опубликованный дневник выдающейся личности» (с. 7). К важным суждениям, высказанным Т. Г. Рабенко, также необходимо отнести следующие: «Дневник выступает в качестве средства организации рефлексии»; «Автоадресатный характер дневниковых записей детерминирует центрирование информации вокруг субъекта повествования – автора дневника»; «При онтологической автокоммуникативности дневникового жанра в тексте дневника обнаруживается несколько адресатов. 1. Автор, который субстанционально совпадает с адресатом и является одновременно повествователем (биографическим). <...> 2. Косвенный адресат в одной из его презентаций. А) потенциальный читатель (родные, друзья, некое абстрактное лицо)... <...> Б) сам дневник как “виртуальный” собеседник» (с. 8). На наш взгляд, важной является и мысль о том, что «варьирование дневникового жанра на уровне автора и адресата осуществляется в дневнике, располагающемся в пространстве документальной литературы» (с. 9). Здесь исследователь говорит о том, что в данное пространство включаются дневники выдающихся личностей, которые были осмыслены как тексты, предполагающие опубликование. При этом Т. Г. Рабенко отмечает: «В “документальном дневнике” сохраняются элементы автоадресации», но «меняется изначальная установка... на скрытость, ведение записей... для себя» (с. 9).

Обратим также внимание на работы А. В. Подгорского (2008) «Дневник в системе мемуарных жанров», высказавшего важные мысли о полной самостоятельности дневникового жанра и о том, что «элементы дневника» могут быть и бывают составной частью едва ли не всякого прозаического жанра» (с. 102), Н. Н. Козновой (2009) «Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров», ставившей вопрос о взаимодействии жанров дневника, писем и мемуаров и указывавшей на то, что для многих писателей «ведение дневника было частью литературной деятельности, а написанное в большинстве случаев адресовалось массовой читательской аудитории» (с. 196), Е. М. Криволаповой (2013) «Жанр дневника в наследии писателей круга В. В. Розанова...», предложившей следующее определение жанровой формы: «Дневник – это особая форма автокоммуникативного текста, где оппозиция автор/адресат имеет принципиальное значение и в идеале представляет тождество автора и адресата. Композиционное построение обеспечивается с помощью структурообразующего элемента – датировки, причем обязательно наличие “метатекстовой” даты, которая соответствует моменту записи. К доминантным классификационным признакам относится литературная необработанность записей (“первообразность”)» (с. 12-13). Е. М. Криволапова (2013, с. 13) также указывает на существование разнообразных видов жанра дневника. Следует отметить, что такая его разновидность, как духовный дневник, остается неизученной, рассмотрение жанровых особенностей данной формы, ее стилистической и риторической специфики может стать темой серьезного научного исследования, несомненно, важного для развития теории жанроведения. Актуальность представляемого исследования обусловлена необходимостью разработки способствующих развитию теолингвистики моделей анализа религиозных текстов, а также комплекса приемов и процедур, которые можно эффективно использовать при их анализе; значимостью развития теории церковно-религиозного стиля и функциональной стилистики в целом.

Теоретическое значение данного исследования связывается с развитием формирующегося в наши дни теолингвистического направления изучения русского литературного языка. Отметим, что активное развитие теолингвистики сегодня проявляет себя и в публикациях филологов, и в организации научных конференций. Среди последних работ лингвистов выделим статью В. И. Постоваловой (2020) «Теолингвистика в контексте мета-моделирования интегративных дисциплин в современном гуманитарном познании», в которой, в частности, рассматриваются вопросы, связанные со становлением православно-христианской теолингвистики; статью А. К. Гадомского (2020) «Религиозный стиль в славянской теолингвистике», посвященную анализу религиозного стиля; работу И. В. Бугаевой (2021) «Изучение языка религии», дающую возможность познакомиться с перспективными направлениями лингвистического изучения речевой религиозной сферы; работу И. Д. Киквидзе (2018) «Сопоставительная теолингвистика: предмет и цели исследования», представляющую общие признаки религиозной лексики русского и грузинского языков и их отличия. Представляемое научное исследование призвано послужить разработке способов изучения религиозных текстов, которые могли бы обеспечить наиболее верное и полное лингвистическое их толкование, понимание духовных смыслов, закладываемых церковными писателями в произведения, рассмотрение утверждаемых в них христианских идей и стилистической специфики. Из последних научных конференций, посвященных проблемам теолингвистики, можно указать на проводившуюся 15-17 сентября 2021 г. международную научную конференцию «Язык и религия» (г. Екатеринбург), где, в частности, выступали с докладами по целям, задачам, методологии теолингвистики А. К. Гадомский (доклад «Теоретические и методологические проблемы современной теолингвистики») и М. О. Новак («О некоторых базовых терминах теолингвистики с позиций истории языкознания»).

Достижение поставленной в работе цели предопределило постановку следующих задач: представить специфику теолингвистического анализа текста; подобрать такие параметры жанровой модели, которые позволят наиболее эффективно описать жанр духовного дневника; выявить его основные признаки, анализируя тексты с использованием заданных в созданной модели параметров; дать дефиницию речевого жанра «духовный дневник».

В ряде предыдущих работ нами уже предлагались модели анализа различных жанровых форм, функционирующих в церковно-религиозном стиле русского литературного языка. В частности, в статье «Духовное

письмо-беседа: жанрово-стилистические особенности» (Смолина, 2019) представлялась модель описания эпистолярных жанровых форм церковно-религиозного стиля, а в статье «Модель описания речевого жанра “духовное эссе”...» (Смолина, 2021) показывались особенности реализации параметрической модели, которая была разработана в ходе исследования для анализа духовного эссе. Метод жанрового моделирования, предполагающий подбор параметров анализа текстов для того или иного жанра, разработку специфических моделей, которые позволяют выявить признаки исследуемых текстов, в представляемой работе становится одним из ведущих. Кроме того, нами предлагается использовать теолингвистический метод анализа текста, заключающийся в выявлении значений религиозно-христианских слов-понятий посредством использования источников, в которых отражаются основные положения христианского вероучения, его сущность (Евангелие, труды святых отцов (святоотеческая литература) и церковных писателей Нового времени, научные работы современных богословов), с последующим определением того, какую роль данные слова-понятия и идеи, утверждаемые с их помощью, играют в смыслообразовании и формировании специфики текстов церковно-религиозного стиля. Здесь следует отметить тот факт, что предлагаемый метод является одним из теолингвистических методов, а также то, что в настоящий момент в русле нового научного направления – теолингвистики – обозначаются и иные закрепляющиеся за данным направлением методы. Так, например, Н. Г. Николаева, С. И. Кузьмин (2010) к одному из методов теолингвистики относят «лингвистический анализ словоупотребления переводчика, сопровождаемый богословским комментарием» (с. 45). Метод теолингвистического анализа в широком понимании предполагает изучение проявлений религии, «которые закрепились и отразились в языке» – по А. К. Гадомскому (Цит. по: Бугаева, 2016, с. 88). При работе над исследованием также применялись лингвистический метод, направленный «на установление закономерностей употребления языковых единиц в разных сферах и ситуациях общения, обусловленных экстралингвистическими факторами» (Комарова, 2016, с. 612), метод лингвистического комментирования с привлечением специализированных словарей (Библейского словаря Н. Н. Глубоковского, Словаря библейских образов Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III), Словаря православной лексики, Полного церковно-славянского словаря под редакцией Г. Дьяченко, трудов церковных писателей (Димитрия Ростовского, Феофана Затворника), богословов (М. А. Олесницкого, Н. Панайотиса и др.), философов (А. В. Гвоздева, А. Ф. Замалева). Помимо этого, использовался метод лингвоидеологического анализа, направленного на выявление корпуса основных идей исследуемых текстов и языковых единиц, репрезентирующих их. Здесь отметим, что этот метод активно используется в современной российской лингвистике, по большей части при изучении политической коммуникации. Г. А. Копнина (2018) определяет лингвоидеологический метод как «разновидность контекстуального анализа в его широком понимании, которая направлена на определение идеологического содержания текста и аксиологической функции используемых в нем языковых/речевых единиц» (с. 89). Кроме того, в работе был использован традиционный описательный метод, представленный такими приемами, как наблюдение, обобщение и интерпретация.

Материалом для исследования послужили дневниковые записи иеромонаха Никона (Беляева) – автора нравственно-аскетических трудов, духовных дневников и писем.

Решению поставленных задач способствовала работа с теоретической базой, представленной трудами, которые посвящены изучению жанра дневника (Рабенко, 2018; 2020а; 2020б; Лебедева, Рабенко, 2018; Подгорский, 2008; Кознова, 2009; Кознова, 2019; Криволапова, 2013), исследованию текстов с позиций теолингвистики (Николаева, Кузьмин, 2010; Бугаева, 2016; 2021; Киквидзе, 2018; Гадомский, 2020; Поставалова, 2020), методам лингвостилистики (Комарова, 2016), основам христианства, христианским идеосфере, этике, аксиологии (Олесницкий, 1892; Скурат, 1970; 2011; Живов, 1994; Замалева, 2003; Бачинин, 2005; Аверинцев, 2006; Гвоздев, 2006; Панайотис, 2011; Кретов, 2014; Лизгунов, 2015; Карасев, 2018), функционированию слов-понятий (Сквородников, 2015), применению метода лингвоидеологического анализа (Копнина, 2018).

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть применены в преподавании таких учебных курсов, как «Стилистика русского языка», «Культура русской речи», «Лингвокультурология», «Филологический анализ текста».

Основная часть

Модель описания речевого жанра «духовный дневник»

Элементы моделей, предложенных нами для анализа ранее, могут быть применены и при анализе духовного дневника. К ним относятся представленные в работе «Духовное письмо-беседа: жанрово-стилистические особенности»: «1) адресант, 2) адресат, 3) духовно-религиозные интенции автора, 4) духовно-религиозная идейно-тематическая основа содержания, 5) композиция... 7) лингвостилистические средства репрезентации тем и идей, 8) репертуар образов...» (Смолина, 2019, с. 145). Специфические параметры, которые в большей мере могут помочь в определении основных признаков духовного дневника и его отличительных черт, предлагаются такие: событие – основа дневниковой записи (может быть и ряд событий; основой могут становиться события в жизни Церкви, государства, мира, автора дневника, его близких и т.п.), религиозная ауторефлексивная составляющая (собственные мысли автора, становящиеся основой религиозных размышлений, возникшие на основе произошедшего с ним; суждения духовного характера, связанные с какими-либо событиями в жизни автора; утверждение определенных религиозных идей; отклики на прочитанные

книги; доказательство каких-либо религиозно-христианских положений; выводы, сделанные по результатам рассуждений; анализ собственных поступков и поведения с духовных позиций и т.п.). Эти параметры весьма важны, поскольку большое количество дневниковых записей содержит в себе сведения о тех или иных событиях и отклик на них в форме размышлений (религиозно-христианский в своей основе).

Воплощение модели описания речевого жанра «духовный дневник»

Адресантом при реализации речевого жанра «духовный дневник», функционирующего в церковно-религиозном стиле, обычно является церковный писатель, зачастую он известен как автор произведений, выполненных в иных жанровых формах: духовного письма, духовных воспоминаний, невымышленных рассказов, проповедей, богословских произведений. Адресант дневниковых записей, которые анализировались при работе над представляемым исследованием, – Оптинский старец, священнослужитель Русской православной церкви иеромонах Никон (Беляев).

Адресатом является прежде всего сам автор ведущихся дневниковых записей, однако можно полагать, что у них мыслился и потенциальный читатель. В настоящее время дневник иеромонаха Никона (Беляева) опубликован, у него есть свой читатель. В круг читательской аудитории входят христиане, интересующиеся вопросами духовной жизни, изучающие христианство и старающиеся жить по-христиански, исполняя заповеди, совершенствуясь в обретении добродетелей. Именно таких читателей интересует внутренняя жизнь монаха, посвятившего себя священнослужению.

Духовно-религиозные интенции автора связаны с его стремлением к нравственному и духовному совершенствованию в христианском понимании: достижению обожения – одной из главных целей жизни христианина, понимаемого как «христотворение» или «становление во Христе» (Панайотис, 2011, с. 154); «уподобление Богу», которое «предполагает не столько постижение Бога, сколько “умное делание”, т. е. жизнь “в духе Господне”» (Замалева, 2003, с. 125-126), и спасения – исцеления от греха, его последствий и обретения Царствия Божиего через исполнение евангельских заповедей, понимаемого в христианской этике как «нравственный процесс, совершаемый внутри самого человека» (Скурат, 1970, с. 86), и цель, о чем С. С. Аверинцев (2006) пишет: «...спасение выступает как конечная цель религиозных усилий человека и высшее дарение со стороны Бога» (с. 399). Приведем пример реализации интенциональности, связанной со стремлением автора к христианскому духовному совершенствованию: «...когда я начал стремиться к жизни во Христе, я не читал никаких книг, а только **Евангелие**, которое и читал месяца два, да **“Путь ко спасению” еп. Феофана**» (1908 г., 10 января). К интенциям, свойственным речевому жанру духовного дневника, также относится выражение собственных мыслей по вопросам христианства, отражающих взгляды и концепции, которые утверждаются в Новом Завете и святоотеческих трудах: **«Точно так же и в духовной жизни: мы питаемся самоукорением, которое, по учению св. отцов, есть невидимое восхождение... Это закон духовной жизни. Когда мы питаемся духовным, мы духовно становимся крепче, сильнее»** (1908 г., 25 октября). Кроме того, важно отметить и такую интенцию, как выражение мыслей, чувств, переживаний, связанных с событиями в жизни Церкви, страны, мира: **«Ученики его опять насадили старчество у нас и в других обителях после того, как позволено было им снова возвратиться в Россию. И старчество процветало... А теперь везде угасло, забыто. Враг начинает с невинных вещей, завлекает в грехи... Поэтому-то враг и ненавидит старчество, ненавидит место откровения помыслов, самый голос, которым это говорится»** (1908 г., 23 февраля). Интенцию, связанную со стремлением выразить оценку по отношению к представителям христианской культуры, явлениям христианской жизни, важным основам веры, также следует выделить как одну из значимых: **«...я в первый раз намереваюсь серьезно и осмысленно ответить. Я только теперь понял всю необходимость, всю святость, все величие этих двух Таинств...»** (1907 г., 28-29 января).

Перейдем к вопросу о духовно-религиозной идейно-тематической основе содержания. Анализируя дневниковые записи иеромонаха Никона (Беляева), можно сказать, что главной идеей, воплощаемой в них, становится идея спасения, которая в основном репрезентируется языковыми единицами *спасение; Спаситель; Бог; Христос; Христос Спаситель; спасительный(-ое); спасительна; спасающийся; спасающиеся; спасаемый; спасен; спастись; спасти; спас; спасает; спасло; спаси; спасаются; спасаемся; спасаю; спасение души; спасти душу; спасительно; Господи, Спаси; Спаси мя, Господи; Спаси тебя, Господи; Спаси его, Господи; Спаси вас, Господи; Спаси их, Господи; Господи, Спаси раба Твоего; Спаси, Господи, и помилуй; Господи, спаси нас; Матерь Божия, спаси нас; Да спасет его Господь; Господь спасает; спас Господь*. Приведем примеры: **«...митрополит Петербургский Анатолий прислал мне... книгу “Откровенные рассказы странника”. Я прочитал ее и говорю себе: “Вот еще путь спасения... молитва Иисусова”»; «Одна мысль постоянно стоит передо мной, – сказал Батюшка, – как **спасти** мне свою **душу**?»; «Смирение и послушание помогают приобрести различные добродетели... но если есть гордость – все пропало»; «гибелен порок – гордость... **спасительно** смирение**». Участвуют в утверждении идеи спасения и интертекстуальные включения: **«Пророк Давид сказал: “Смирись и спасе мя Господь”. Для спасения достаточно одного смирения»** (1908 г., 18 сентября) – Псалом 114, стих 5; **«В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: “Спаси мя, Господи”»** (1909 г., 21 февраля) – Псалом 11, стих 2. Поскольку Никон (Беляев) был монахом, а монашество в христианской традиции представляет собой прежде всего «особый образ жизни, имеющий целью достижение спасения и наиболее полное воплощение в жизни евангельского идеала, при котором христианин посвящает свою жизнь молитве, исполнению евангельских заповедей и борьбе

со страстями...» (Ткачев, 2017, с. 567), идея спасения в его дневнике становится одной из ключевых. Слово-понятие «спасение» играет значимую роль в смыслообразовании, становясь центром авторских рассуждений о жизни христианина, его работе над собой, внимании к тому, что происходит во внутреннем мире, об исполнении заповедей, обретении добродетелей (слова-понятия – наиболее социально и идеологически значимые термины национальной концептосферы (Сковородников, 2015, с. 50)).

Один из первых шагов в процессе работы по духовному совершенствованию, спасению души – покаяние, сущность которого в русской культуре связывается с осознанием своей греховности, отказом от греха, искоренением его в себе, духовным перерождением. «Покаяние есть живое сознание греха в себе и решительное отрицание его в глубине души. <...> Покаяние... есть сокрушение и воззвание о помиловании не из-за того лишь или другого частного содеянного греха, хотя и это должно иметь место, а из-за всего вообще состояния виновности, из-за того, что человек отделен от Бога», – пишет М. А. Олесницкий (1892). А. Кретов (2014) акцентирует наше внимание на том, что «покаяние – это славянский эквивалент греческого понятия *μετάνοια*» (метанойя – прим. автора статьи. – А. С.) и само слово «*μετάνοια*» переводится на русский язык как «перемена ума», «перемена мысли», «переосмысление», при этом подчеркивая: состояние покаяния, ставшее одним из основных понятий христианства, есть переход от Богоотчужденности к сопребыванию с Богом (Кретов, 2014, с. 91). Поскольку без покаяния невозможно начать духовную работу над собой в исполнении заповедей, достижении спасения души, в борьбе с грехами и страстями, «перемене ума», возрастании «внутреннего человека» (ипостаси человека, обращенной к небесному, трансцендентному (Бачинин, 2005, с. 59)), идея покаяния наряду с идеей спасения становится в духовном дневнике одной из самых главных. Она воплощается в рассуждениях о духовной жизни человека и о трудностях, с которыми автор сталкивается на этом пути, в размышлениях о желании переменить свою жизнь, о познании истины, о высших духовных вопросах, посте как одном из средств душевного спасения, молитве, церковных таинствах. Приведем пример: «Хочу делать добро, а делаю зло. Я даже не могу отличить... зло от добра. Жалкое, ужасное состояние, в котором только и может помочь... молитва **покаянная**. Да, я вижу единый исход из моего положения – это **покаяние**...» (1907 г., 28-29 января). Репрезентируется идея покаяния языковыми единицами *покаяние, покаянная(-ые), каяться, кайтесь, каялся, покаяться, покайтесь, раскаивался, Таинство покаяния, молитва покаянная, очиститься покаянием, каяться в согрешениях*, например: «Все пророки, апостолы и Сам Христос Спаситель и Его Предтеча – Иоанн Креститель – все они начинали свою проповедь словом: **“Покайтесь”**» (1907 г., 28-29 января). Помимо этого, репрезентантами становятся интертекстуальные включения: «За всенощной слышатся уже предвозвестники поста, покаянные стихи с их умиленным напевом: **“Покаяния отвержи ми дверь, Жизнодавче...”**» (1907 г., 10 февраля). С помощью слова-понятия «покаяние» фокусируется внимание на том, что духовное совершенствование невозможно без самоуглубления, искреннего желания исправить и переменить свою жизнь, без поста и молитвы, познания своих грехов, анализа своих поступков.

С покаянием тесно связано смирение (в этой связи митрополит Вениамин (Федченков) писал о том, что «покаяние ведет к смирению» (Цит. по: Скурат, 2011, с. 561)). Поэтому идея смирения, несомненно, находит отражение в духовных дневниках: «Беседа коснулась духовной монашеской жизни, **смирения**, и высота **смирения** как бы чуть-чуть показала себя моему внутреннему человеку» (1909 г., 16 января). Понимание смирения как противоположности гордости, которое «состоит в том, что человек невысоко думает о себе, как не имеющем ничего своего, только даруемое Богом, и все доброе совершающим лишь помощью и благодатью Божией, почему во всем прибегает к милосердию и содействию Божию» (Глубоковский, 2007, с. 697), отражено и в дневнике Никона (Беляева): «...благодарю Бога, что хоть это сознание своей греховности есть. И надеюсь, что по Своему милосердию Господь спасет меня: не уничтожит сердца сокрушенного и смиренного» (1910 г., 28 февраля). Репрезентантами идеи смирения становятся такие языковые единицы, как *смирение, смиренные, смирен, смиряйтесь, смиряемся, смирялся, со смирением, добродетель смирения, истинное смирение, приобрести смирение, стяжать смирение, спастись смирением, научитесь смирению, преуспели в смирении, необходимо смирение*. Как и в реализации других идей, участвуют в воплощении идеи смирения и интертекстуальные включения: «...сказано в одном псалме: **“Видь смирение и труд мой и остави вся грехи моя”**. Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда» (1907 г., 18 сентября) – Псалом 24, стих 18. В произведениях церковных писателей древности и Нового времени говорится о взаимосвязи смирения и терпения. Так, например, святитель Феофан Затворник (2008) пишет: «Терпение и смирение – правители жизни духовной. Первое держит земные порядки, второе властвует над небесными... и держит их... по любви своей к нему» (с. 107). В дневниковых записях иеромонаха Никона (Беляева) мы также видим упоминание об этих добродетелях в одном ряду: «...не то важно, какое исполняется послушание, а то... как оно исполняется: со **смирением, терпением и молитвой**»; «**Научитесь смирению и терпению, а в душе мир имейте**». Слово-понятие «смирение» помогает автору в воплощении смыслов, связанных с перспективами духовной работы над собой: обретения добродетелей терпения, непрестанной молитвы, послушания и других, контроля над разумом и чувствами, борьбы с греховным началом, страстями.

Помимо указанных, в духовном дневнике воплощаются идеи послушания, любви к Богу и ближним, следования Христу, святости. Из тем, наиболее выделяющихся по значимости, наблюдаются темы веры в Бога, молитвы, поста, монашества, греха, добродетели; они присутствуют в авторских размышлениях о своем духовном пути в христианстве, о духовном руководстве, евангельских истинах, жизни святых, о монашестве, старчестве, внешней и внутренней жизни христианина, богослужении, борьбе с грехами, греховными помыслами, изменении своего нравственного состояния. Так, например, тема веры в Иисуса Христа как в Божьего сына

звучит в части текста, где содержатся размышления о монашестве и звучит идея спасения, при этом автор обращается к Евангелию, вспоминая апостола Петра – человека, который не сомневался в Богосыновстве Христа: «В Евангелии обладателем **веры** является апостол Петр. “Ты еси Христос Сын Бога Живаго”, – исповедует он, когда все, за исключением апостолов, считали Христа человеком».

Композиция следующих хронологически друг за другом по дням записей духовного дневника стандартна в том, что в ней присутствуют указание даты записи, компоненты текста, в которых зафиксированы события из жизни автора, факты, каким-либо образом связанные с ним (фиксация синхронна). Стандартно и наличие компонента, содержащего саморефлексию в связи с теми или иными событиями. Например: «23 января. Сегодня после утрени, в 7 часов утра, был общий молебен о здравии братии всего скита, особенно о болящих. Удивительно много сразу заболело, начиная с Батюшки и кончая послушниками. Что это значит? Вероятно, наказание Божие для нашего вразумления» (1908 г., 23 января). Специфика же композиции заключается в содержании присутствующих в тексте компонентов: и в повествовании о событиях, и в ответе в форме рассуждений на них отражается христианское мировоззрение автора; все компоненты так или иначе содержат духовно-религиозные темы, идеи, смыслы, побуждения, выводы, интенции. В композиции дневниковой записи мы можем встретить рассказ из жизни святого, рассказ из жизни благочестивого человека, известного автору, рассуждение о духовном смысле описанных ранее событий, размышление о своем пути в христианской жизни, описание церковной службы, повествование о событиях из жизни монастыря, воспоминание о тех событиях, которые укрепили автора в вере, размышление о Промысле Божиим в собственной жизни, пересказ беседы с духовным отцом и подобные структурно-смысловые компоненты с религиозно-христианским содержанием.

Анализ духовного дневника с использованием параметра «лингвостилистические средства репрезентации тем и идей» дает возможность увидеть такие его отличия от других жанровых форм дневника, как активное функционирование теонимов; агеоантропонимов; библионимов; иконимов; экклезионимов; наименований библейских событий; наименований евангельских героев; наименований христианских таинств; языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания; наименований лиц, связанных с христианской религиозной деятельностью; языковых единиц, обозначающих христианские тексты; христианских геортонимов; наименований богослужебных предметов; церковной утвари; наименований деталей внутреннего и внешнего убранства храмов, монастырей; наименований религиозно-христианских групп лиц; языковых единиц, обозначающих понятия, связанные с православными эсхатологическими представлениями; наименований inferнальных существей. Приведем ряд примеров: «**Господь** спасает нас, а не мы спасаемся...» (1908 г., 11 января) – теоним; «**Св. Иоанн Лествичник** говорит: “Ангелы – свет монахам, монахи – свет миру”» (1908 г., 8 ноября) – агеоантропоним; «Я отвечал, что и не думаю об этом, и не дерзаю, ибо хозяин не я. Я только приказчик **св. Иоанна Крестителя**» (1908 г., 22 января) – библионим; «Прежде я получил тоже 12 февраля икону на благословение из **лавы преп. Сергия**» (1908 г., 12 февраля) – экклезионим; «**Иисусова молитва необходима для входа в Царство Небесное**» (1909 г., 27 октября) – языковая единица, относящаяся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания; «**Под св. Пятидесятницу** правили бдение у Батюшки» (1910 г., 9 июня) – христианский геортоним. Специфичность обнаруживает себя и в использовании тропов и фигур, которые зачастую содержат в себе маркированные компоненты, указывающие на отнесенность выразительного средства к церковно-религиозному стилю. Приведем пример использования сравнения: «...меня, как блудного сына, Оптина как бы уже приняла в свои объятия» (1909 г., 23 февраля). В качестве сопоставляющего компонента в данной сравнительной конструкции мы видим евангельский образ блудного сына, играющий здесь важную смыслообразующую роль, поскольку в христианской культуре он рассматривается как воплощение идеи покаяния. В Словаре библейских образов (2005) об этом читаем: «Блудный сын “пришел в себя”, когда его сердце открылось для покаяния, смирения и побудило его к действиям. Но покаяние затрагивает все человеческое существо – разум, сердце и волю, – и вполне возможно, что он возвращался к отцу с целью возмещения своего долга работой» (с. 87). Рассмотрим пример использования метафоры: «...наше исповедание своих грехов принимает Сам Господь наш Иисус Христос. Он милостив, Он любит нас... Он разрешит нас от ужасного бремени греховного... <...> Он принимает всякого **грешника**, самого ужасного, положительно **утопающего в грехах**» (1907 г., 27-28 января). Создаваемый иеромонахом Никоном (Беляевым) с помощью метафорического переноса образ грешника, утопающего в грехах, на наш взгляд, несомненно, отражает христианское мировоззрение и отношение к греху как к тому, что губит человека, лишает его сил, воли, тянет на дно (такое уподобление в церковно-религиозных текстах частотно). Обратимся к примеру использования перечисления: «**Смирение, терпение и непрестанная умная молитва** – вот чем обладал о. Феодот» (1908 г., 18 февраля). В выделенном ряду однородных членов предложения представлены слова-понятия, которые в христианской культуре имеют очень важное значение, поскольку обозначают добродетели. «В Новом Завете добродетель смирения переходит в разряд главных», – пишет иерей Павел (Лизгунов) (2015, с. 118-119), говоря о том, что христианское понятие смирения предлагает новый взгляд на нравственные вопросы. И, желая подчеркнуть значение смирения, обращается к словам святителя Игнатия (Брянчанинова): «Смирение – одна из главных добродетелей Христианства, необходимая всякому желающему приблизиться к Богу» (с. 119). Терпение как добродетель, которая состоит в «благодушном перенесении всех бед, скорбей и несчастий, неизбежных для человека в здешней жизни» (Глубоковский, 2007, с. 727), по утверждению Димитрия Ростовского (2007), помогает христианину обрести спасение: «...без терпения мы не можем быть уверенными в спасении душ наших. Терпение же есть верный признак, что мы получим спасение» (с. 55), поэтому смыслообразующая роль

слова «терпение» в приведенном здесь примере весьма значима именно в религиозно-христианском ключе. Умная молитва, под которой понимается внутренняя молитва, «в сердце умом совершаемая» по благословению духовника (по Паисию (Величковскому)) (Карасев, 2018, с. 27, 31), и которая имеет конечной целью обожение человеческой природы (Гвоздев, 2006, с. 142), в христианской жизни, в особенности же монашеской, имеет важнейшее значение в деле духовного совершенствования человека, достижении им согласия с Богом и миром, борьбе с грехами и обретении добродетелей. Само сочетание слов «умная молитва» уже становится для христианина особым знаком, указывающим на то, что автор посвящен в христианское знание, глубоко знает христианскую культуру. Таким образом, на примере отдельного ряда однородных членов предложения мы можем увидеть специфику элокутивной организации духовного дневника. Рассмотрим пример функционирования вопросно-ответного хода: «*А что такое самоукорение? – смирение. А что такое смирение? – это риза Божества, по слову Лествичника...*» (1908 г., 25 октября). Здесь мы, как и в предыдущем примере, в качестве компонента конструкции видим слово-понятие «смирение» (о содержании которого мы говорили ранее), а также создающее образность сочетание слов «риза Божества»; обращение автора к творческому наследию Иоанна Лествичника также создает уникальность текста и указывает на его принадлежность к церковно-религиозному стилю.

Репертуар образов духовного дневника специфичен тем, что в нем представлены библейские (по преимуществу евангельские) и агиографические образы, а также образы верующих людей, близких или знакомых автору (в дневниковых записях иеромонаха Никона (Беляева) в основном мы видим монашествующих христиан, живущих в том же монастыре, что и автор записей). Евангельские образы обычно представлены в эпизодах, повествующих нам о том, как Иисус Христос учил своих учеников и обращался к народу, при этом Евангелие часто цитируется: «*На тех, кто любит Господа, указал нам Сам Господь Иисус Христос, сказав: “Аще любите Меня, заповеди Мои соблюдайте”*» – Евангелие от Иоанна, глава 14, стих 15 (1908 г., 6 декабря). Отрезки текста, в которых мы встречаем эти образы, представляют собой ауторефлексию. Автор обычно анализирует свои мысли, поступки, поведение, происходящее в окружающей его действительности, размышляет о том, что ему нужно делать для духовного возрастания, обращается к мыслям своего духовного наставника, соотносит свою жизнь с евангельскими заповедями и правилами, принятыми в монастыре, и при этом вспоминает события, о которых повествует Евангелие. Из агиографических образов следует выделить такие, которые обращают нас к святым, внесшим вклад в развитие христианского вероучения, оставившим письменное духовное наследие, поскольку труды этих церковных писателей служат ориентиром в вопросах духовной жизни, нравственного совершенствования, душевного спасения для автора дневника. Рассказы о святых и обращение к их трудам, цитирование мы можем встретить в речах духовника автора: в дневниковых записях духовные ученики стремятся не только рассказать о том, что происходит в монастыре и передать то, о чем говорит в беседах духовный наставник, но и зафиксировать предельно точно сами речи батюшки. Приведем пример из речи духовного наставника: «*Георгий-затворник, хотя он и был в глубочайшем затворе, но переписку имел, и вот что... писал он: – Я прежде читал светские книги, но теперь решил не читать; там красивые слова, красивые мысли... и больше ничего. А Св. Писание все тайнами повито... Там глубина, там смысл неисчерпаемый. <...> Подобно тому, как можно снимать с лукавицы одну чешуйку, затем другую, третью»* (1908 г., 23 декабря). Образы монахов того монастыря, в который поступил Никон (Беляев), мы обычно встречаем в рассуждениях о том, как правильно и неправильно поступать с христианской точки зрения, как нужно себя вести христианину, руководствуясь заповедями Евангелия, наставлениями святых отцов, а также в размышлениях о грехах и добродетелях, достижении спасения, внутренней работе над собой. Показателен в этом отношении рассказ о рясофорном послушнике о. Феодоте, который прежде был солдатом, а затем в монастыре из-за высокого роста и крепкого телосложения носил дрова и воду, до конца жизни оставался на этом послушании и не пользовался у братии вниманием. Рассказ служит примером тому, что смирение этого послушника делает его ближе к спасению. Анализируя поступки знакомых ему монахов, обращаясь к деяниям святых, читая слова Иисуса Христа, автор стремится понять, как ему поступать в тех или иных жизненных ситуациях, как продолжать внутреннюю работу над собой. В отрезках текста, где даны евангельские, агиографические образы и образы знакомых автору христиан, представлены теонимы: «*Георгий-затворник в миру искал красоты, но искал там, где ее нельзя найти... а Господь этим сном поставил его на путь истины*» (1909 г., 2 июля); агиоантропонимы: «*Св. Иоанн Лествичник говорит, что вместе с монахами борются и ангелы*» (1909 г., 8 ноября); наименования лиц, связанных с христианской религиозной деятельностью, эпитеты: «*Однажды о. архимандрит Илиодор, человек доброй жизни, придя от обедни, сел у раскрытого окна в ожидании самовара. Прислонившись к спинке стула, он впал в тонкий сон и видит чудный сад, какой-то неземной*» (1908 г., 11 января); сравнения: «*Авва Дорофей говорит, что он смотрел на книги, как на зверя, а потом очень даже привстраслился к чтению книг*» (1908 г., 8 февраля); языковые единицы, обозначающие понятия, связанные с православными эсхатологическими представлениями: «*И вот среди сада о. Илиодор видит о. Феодота. “Это ты, о. Феодот?” – “Я, Батюшка.” – “Как ты здесь?” – “Да это мне дано.” – “А что это?” – “Это рай”*» (1908 г., 11 января); эмоционально-экспрессивно окрашенная лексика: «*Окончил о. Варсонофий тем, что вспомнил своего старца о. Анатолия, которого можно было заслушаться, когда он говорил. Батюшка всегда с великим благоговением вспоминает своего старца-наставника*» (1908 г., 11 января); имена, принятые в монашеском постриге, экклезионимы, языковые единицы, обозначающие христианские тексты: «*Был схимонах Клеоп в Соловецком монастыре. Он сорок лет провел в уединении на одном необитаемом острове, куда из монастыря привозили ему пищу и ездил духовник. <...> Все акафисты, все службы, все, все заменял он Иисусовой молитвой*» (1908 г., 8 февраля).

Специфический параметр модели «событие – основа дневниковой записи», предлагаемый нами для использования в добавление к параметрам, по которым могут быть проанализированы и другие церковно-религиозные тексты, поможет выявить наиболее показательные признаки рассматриваемого жанра. В основе дневниковых записей иеромонаха Никона (Беляева) обычно лежат события, связанные с духовной жизнью автора, его работой над собой (выполнение послушаний, исполнение заповедей Евангелия, изучение устава богослужения, следование установлениям монастырской жизни, чтение духовных текстов, творение молитвы, беседы с духовником, исповедь, соблюдение поста, личное участие в церковной службе и др.). Помимо этого, в основе могут быть события, связанные с жизнью монастыря (общий молебен о здравии братии скита, все-нощная, утреннее богослужение, общая трапеза, получение благословения от батюшки монахами, церковный праздник, принятие в монашество, поездка монахов в другой город, приезд в монастырь кого-либо из другого монастыря или из внешнего мира, проповедь настоятеля монастыря, пострижение в рясофор, беседа духовного наставника с братией и др.). Событие-основа обычно становится начальным пунктом размышлений либо отдельно высказанной мысли, связанными с ним каким-либо образом. Так, например, говоря об обычных для всех православных монахов событиях дня, Никон (Беляев) пишет: *«Сегодня ходил к обедне, к вечерне, остальное время читал жизнеописание старца о. Макария. Вот был человек. Хоть бы немного мне, грешному, походить на него»*. Рассказывая о переживаниях, связанных с духовной жизнью, внутренней работой над собой, стремлением к достижению внутреннего мира и согласия, Никон (Беляев) говорит: *«Сейчас я читал псалтирь и по окончании, идя сюда в келию, как хорошо чувствовал я себя. После молитвы на душе мирно, тихо, как и все кругом: и эта чудная ночь, луна, чистое небо и яркие звезды, тишина, снег...»*.

Религиозная ауторефлексивная составляющая духовного дневника специфична тем, что в ней отражается христианское мировоззрение автора. Более всего: вера в Бога (Бога-Отца, Сына и Святого Духа); в то, что Бог сотворил видимый и невидимый мир и управляет им; в то, что без ведома Бога ничего не может случиться; в Промысл Божий (проявление в мире воли Божией); в Божий Суд и в возможность спасения души через молитву и исполнение заповедей, а также через искоренение в себе грехов и страстей, через обретение добродетелей. Проявления таких особенностей мировоззрения церковных писателей, как теоцентризм, христоцентризм, эсхатологизм (отношение к миру, связанное с представлениями о конечных судьбах мира и человека, бытия после земной жизни), провиденциализм (понимание происходящих событий как действия Промысла Божия) и сотериологизм (представление о том, что главная цель человека есть спасение души), находят отражение во всех жанрах, предполагающих присутствие аналитической составляющей, однако духовный дневник в этом отношении выделяется особо, поскольку является своеобразным диалогом со своим внутренним «я», «средством организации рефлексии» (Рабенко, 2020b, с. 8), подведения итогов духовной работы над собой, что предопределяет проявление мировоззренческих установок.

Анализ собственных поступков, поведения, мыслей обычно касается осознания своей греховности; исповедания грехов; покаяния; причащения; соблюдения поста; творения молитвы; спасения души; стремления познать истину; монашеской духовной жизни; обретения добродетелей; предназначения иноческой жизни; промысла Божия; надежды на Бога; благодарности Богу; силы веры; исполнения послушаний; жизнеописание святых; жизни по Евангельскому учению; богослужения; чтения святоотеческих трудов; хранения совети; церковного пения; келейного правила; церковных праздников; наставлений духовного отца; духовного руководства; благодарности духовному отцу; смысла Священного Писания; смысла событий, происходящих в жизни автора дневника; почитания основателей монастырей; воспитания в вере; духовного утешения; святости; церковной проповеди; состояния духа идущих по пути христианского совершенствования личности; перенесения искушений; духовного опыта. Приведем примеры: *«Вчера я высказал мысль, что главный признак духовной жизни есть стремление к познанию истины. Я вдруг усомнился: а может быть, это не так? Но подумал и вижу, что сказал вчера правду»* (1907 г., 29-30 января); *«Еп. Игнатий пишет, что покаяние, кроме того, что очищает соделанные согрешения, открывает глаза... человек начинает видеть... свои согрешения... Это я теперь испытываю на опыте в своей личной жизни»* (1910 г., 5 августа).

Ауторефлексия, предполагающая внутренний диалог с самим собой, помогает автору дневника в корректировании собственного поведения, управлении своими чувствами, эмоциями, в контроле за своей жизнью, саморегуляции, адаптации к трудностям, их перенесении, анализе и осознании своей деятельности, ее последствий, анализе и регуляции своего состояния, извлечении уроков из различных жизненных ситуаций, самопознании, концентрации на важных жизненных изменениях (внутренних и внешних), принятии решений, их анализе, эмоциональном реагировании, постановке целей. Духовный характер ауторефлексии автора исследуемых дневниковых записей предопределяет и то, что анализ происходящего в его внутреннем мире, собственных поступков и мыслей помогает ему понять, насколько он преуспел в деле духовного и нравственного совершенствования, душевном развитии, насколько он смог возрасти в обретении добродетелей и борьбе с грехами и страстями, что ему нужно делать дальше на пути спасения души, достижения внутреннего мира и согласия, воспитания в себе христианских качеств, стремления достичь примиренности с Богом и людьми, понимания Промысла Божия, на пути исполнения заповедей. Языковые особенности частей текста, содержащих ауторефлексию, проявляются в использовании слов и сверхсловных единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания: *душа* («нематериальное, божественное начало в человеке, наделенное бессмертием» (Баско, Андреева, 2015, с. 78)), *благодать* («божественная милость и сила, которые даются

человеку от Бога» (Баско, Андреева, 2015, с. 29)), заповеди Божии («нравственные и духовные законы, определяющие внешнюю и внутреннюю жизнь христианина, данные Богом и обязательные к исполнению» (Баско, Андреева, 2015, с. 86)), *грех* («нарушение делом, словом или мыслью заповедей Божьих, религиозных предписаний» (Баско, Андреева, 2015, с. 69)), *добродетель* («доброе качество или дело» (Полный церковно-славянский словарь, 2009, с. 147)), *святость* («причастность человека к Богу, его обоженность... преобразование под воздействием благодати Божией» (Живов, 1994, с. 90)), *молитва* («возношение ума и сердца к Богу, являемое благоговейным словом... человека к Богу» (Глубоковский, 2007, с. 492)) и другие.

Заключение

В ходе проведенного исследования мы пришли к выводам, которые представлены далее.

Специфика теолингвистического анализа текста заключается в следующем: при работе с изучаемыми произведениями изначально принимается установка на то, что автор – человек с религиозным мировоззрением и создаваемые им тексты содержат религиозные смыслы; это, в свою очередь, предопределяет рассмотрение вопросов, связанных со спецификой религиозной составляющей произведений, а именно: какие религиозные идеи и каким образом в них вербально репрезентируются, какие из этих идей становятся главенствующими в выявляемом идейном тезаурусе и по каким причинам, каким образом религиозность автора проявляет себя в языке произведений, как она влияет на речевую практику, какие можно выявить закономерности употребления языковых единиц в исследуемых текстах религиозного характера (в частности, в текстах церковно-религиозного стиля), какие религиозные термины функционируют в исследуемом произведении (возможно рассмотрение вопроса об их стилистических функциях). Важной составляющей теолингвистического метода исследования текстов христианской культуры является обращение при лингвистическом комментировании, в частности при работе со словами-понятиями, к святоотеческому учению (трудам Иоанна Лествичника, Нила Синайского, Симеона Нового Богослова и других), к духовному наследию церковных писателей Нового времени (трудам Игнатия (Брянчанинова), Феофана (Затворника) и других), к богословским научным исследованиям XIX, XX, XXI веков (к работам М. А. Олесницкого, архимандрита Киприана (Керна), Н. Панайотиса и других); важнейшее значение при таком анализе приобретает обращение к Священному Писанию (особенно к Евангелию и Посланиям апостолов), поскольку смыслы религиозно-христианских текстов базируются на данном источнике. Метод теолингвистического анализа можно использовать и при изучении произведений светских авторов, если в них присутствуют религиозные смыслы.

Как показал анализ дневниковых записей иеромонаха Никона (Беляева), наиболее эффективно описать речевой жанр духовного дневника позволяет комбинация таких параметров, как адресант, адресат, духовно-религиозные интенции автора, духовно-религиозная идейно-тематическая основа содержания, композиция, лингвостилистические средства репрезентации тем и идей, репертуар образов (задействовались нами ранее при описании иных жанров церковно-религиозного стиля), и специфических параметров – событие – основа дневниковой записи и религиозная ауторефлексивная составляющая. Параметры «адресант» и «адресат» дают возможность обозначить церковно-религиозную сферу бытования речевого жанра. Параметр «духовно-религиозные интенции автора» позволяет обозначить одно из отличий духовного дневника от иных реализаций жанровой формы «дневник», которое заключается в том, что автор концентрируется в своих записях вокруг возможностей христианского духовного совершенствования. Параметр «духовно-религиозная идейно-тематическая основа содержания» обеспечивает выявление базовых отличий исследуемого жанра: идеосфера религиозных текстов и их содержательное наполнение – то, что составляет уникальность на уровне смыслов и предопределяет языковую специфику духовного дневника. Параметр «композиция» помогает показать, что и на уровне структуры исследуемое явление имеет свои отличия, связанные с религиозно-христианским содержанием ее компонентов. Параметр «лингвостилистические средства репрезентации тем и идей» дает возможность выявить особенности элокутивной организации рассматриваемых текстов. Параметр «репертуар образов» помогает акцентировать внимание на том, что мировоззренческие установки автора дневниковых записей обуславливают его обращение к объектам и явлениям христианских этики и культуры. Параметр «событие – основа дневниковой записи» позволяет показать, что автора в основном интересуют события духовного характера, а иные события комментируются с религиозно-христианской точки зрения. Параметр «религиозная ауторефлексивная составляющая» помогает раскрыть особенности религиозного мировоззрения автора, указать на роль ауторефлексии в создании текста, рассмотреть ее влияние на языковое оформление.

Анализ дневниковых записей иеромонаха Никона (Беляева) по разработанной нами в ходе исследования параметрической жанровой модели позволил выявить признаки речевого жанра «духовный дневник». К числу основных признаков относятся: специфическая адресантно-адресатная составляющая (автор – человек с религиозно-христианским мировоззрением, церковный писатель; адресат, если он мыслится, – также человек с религиозно-христианским мировоззрением, как и автор, совершенствующийся духовно через исполнение заповедей Евангелия); духовно-религиозная интенциональность, связанная со стремлением к обождению и спасению души, выражением мыслей, представляющих этические концепции, которые утверждаются в Новом Завете и святоотеческих трудах; репрезентация идей спасения, покаяния, смирения, терпения, послушания, любви к Богу и ближним, следования Христу, святости; обращение к темам веры в Бога, молитвы,

поста, греха, добродетели; наличие в композиции компонентов с религиозно-христианским содержанием (рассказ из жизни благочестивого человека, рассуждение о духовном смысле событий, описание церковной службы, размышление о своем пути в христианской жизни и подобное); функционирование религионимов (теонимов; агиоантропонимов; библионимов; иконимов, христианских геортонимов и др.); церковно-религиозный характер элокутивных средств; представленность библейских и агиографических образов, а также образов верующих людей, близких или знакомых автору; религиозно-христианская событийность, проявляющаяся в повествовании о событиях, связанных с внутренней духовной жизнью автора и жизнью Церкви; духовно-христианская ауторефлексивность, специфичная проявлением таких мировоззренческих особенностей, как теоцентризм, христоцентризм, эсхатологизм, провиденциализм и сотериологизм, более всего эксплицирующихся через использование языковых единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания, а также через использование теонимов, библионимов.

В результате работы с исследуемым жанровым явлением можно дать следующее его определение: духовный дневник – документальный речевой жанр церковно-религиозного стиля: текст, который создается священнослужителем, содержит повествование о событиях, связанных с внутренней духовной жизнью автора, жизнью Церкви, иногда – с жизнью государства и происходящим в мире, а также размышления религиозно-христианского характера в связи с описанными событиями. Основными чертами жанра являются: репрезентация интенций, связанных со стремлением к обожению и спасению, выражением мыслей, представляющих христианские этические концепции; репрезентация идей, составляющих основу христианской идеосферы (спасения, покаяния, следования Христу и др.), тем веры в Бога, молитвы, греха, добродетели и смежных с ними; наличие в композиции структурно-смысловых компонентов с религиозно-христианским содержанием; функционирование религионимов; религиозно-христианская событийность; духовно-христианская ауторефлексивность, вербально обнаруживающая проявление теоцентризма, христоцентризма, эсхатологизма, провиденциализма и сотериологизма (в основном посредством слов и сверхсловных единиц, относящихся к корпусу православной лексики духовно-нравственного содержания).

Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном анализе речевого жанра «духовный дневник» по таким параметрам, как композиция, лингвостилистические средства репрезентации тем и идей, репертуар образов, событие – основа дневниковой записи, ауторефлексивная составляющая, с привлечением дневниковых записей церковных писателей митрополита Арсения (Стадницкого), митрополита Вениамина (Федченкова), архиепископа Леонида (Краснопевкова), митрополита Мануила (Лемешевского), митрополита Иоанна (Снычева), протопресвитера Александра (Шмемана) и других церковных писателей. Кроме того, планируется продолжение работы по систематизации документальных жанров церковно-религиозного стиля русского литературного языка и созданию их характеристик, в частности, далее предстоит разработка модели описания речевого жанра «духовные воспоминания» и рассмотрение текстов данного жанра по созданной модели с выявлением основных его жанрообразующих признаков и формулированием его определения. Здесь предполагается обращение к наследию митрополита Вениамина (Федченкова), архиепископа Никона (Рождественского), протоиерея Иоанна (Арсеньева), архиепископа Василия (Кривошеина), протоиерея Иосифа (Фуделя), архимандрита Тихона (Агрикова), протоиерея Петра (Пневского), архимандрита Иова (Гумерова), архимандрита Павла (Груздева) и других писателей. Помимо этого, будет продолжена работа по изучению речевого жанра «духовный травелог» с обращением к творчеству архимандрита Андроника (Елпидинского), епископа Сергия (Тихомирова), епископа Хрисанфа (Щетковского). Особое внимание предполагается направить на изучение вопросов, связанных с проявлением религиозно-христианского мировоззрения в исследуемых текстах, теолингвистическим толкованием смыслов произведений, выявлением их идейного тезауруса, рассмотрением особенностей образной системы и языкового воплощения образов, а также вопросов, связанных с языковой спецификой, указывающей на принадлежность текстов к церковно-религиозному стилю, и с интенциональной составляющей. В рамках намеченных исследований планируется проводить дальнейшую разработку особых лингвистических способов изучения религиозных текстов, позволяющих представить их особенности соответственно христианскому содержанию, библейским источникам смыслов, святоотеческому учению, личному духовному опыту авторов. В частности, предполагается работа по апробации новых теолингвистических методов изучения текстов.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44099 «Разработка способов и моделей анализа религиозных текстов как один из путей развития теолингвистики».

The reported study was funded by the RFBR as a part of research project number 21-011-44099 “Elaboration of methods and models for the analysis of religious texts as one of the ways of theolinguistics development”.

Источники | References

1. Аверинцев С. С. София - Логос. Словарь // Аверинцев С. С. Собрание сочинений / под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. К.: ДУХ и ЛИТЕРА, 2006.
2. Баско Н. В., Андреева И. В. Словарь православной лексики в русской литературе XIX-XX веков. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015.
3. Бачинин В. А. Христианская мысль: библия и культура. Христианство, социология и антропология. СПб.: Новое и старое, 2005. Т. VII.
4. Бугаева И. В. Изучение языка религии // Вестник Московского университета. Серия 9 «Филология». 2021. № 4.
5. Бугаева И. В. Лингвотеология как новое направление лингвистических исследований // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина): сб. ст. по мат. Междунар. науч. конф. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2016.
6. Гадомский А. К. Религиозный стиль в славянской теолингвистике // Актуальные проблемы стилистики. 2020. № 6.
7. Гвоздев А. В. Святоотеческие корни антропологии и гносеологии И. В. Киреевского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1 «Богословие. Философия». 2006. № 15.
8. Глубоковский Н. Н. Библейский словарь. Сергиев Посад - Джорданвилль: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007.
9. Димитрий Ростовский, епископ, святитель. Царский путь. Избранные места из проповедей и поучений. Молитвословия. Ростов н/Д: Изд-во Ростовской-на-Дону епархии, 2007.
10. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994.
11. Замалеев А. Ф. Идеи и направления отечественного любомудрия. Лекции. Статьи. Критика. СПб.: Летний сад, 2003.
12. Карасев Н. А. Преподобный Паисий (Величковский) и возрождение духовной традиции // Христианское чтение. 2018. № 5.
13. Киквидзе И. Д. Сопоставительная теолингвистика: предмет и цели исследования // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68).
14. Кознова Н. Н. Дневники, письма, мемуары: к вопросу о взаимодействии жанров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 1.
15. Кознова Н. Н. Трансформация образа дома в дневниках Ирины Кнорринг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2019. Т. 24. № 2.
16. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2016.
17. Копнина Г. А. «Лингвистика информационно-психологической войны»: презентация научного проекта // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр.: в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2018. Вып. 18. Кн. I.
18. Кретов А., диакон. Дефиниция покаяния как универсалии православного нравственного богословия (на материале рукописи перевода Феофана Затворника избранных покаянных песнопений) // Материалы VI Международной студенческой научно-богословской конференции Санкт-Петербургской православной духовной академии. СПб.: СПбПДА, 2014.
19. Криволапова Е. М. Жанр дневника в наследии писателей круга В. В. Розанова на рубеже XIX-XX веков: автореф. дисс. ... д. филол. н. М., 2013.
20. Лебедева Н. Б., Рабенко Т. Г. Жанровое имя как фактор стабилизации речевого жанра (на материале жанра дневника) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 437.
21. Лизгунов П. Смирение и смиренномудрие. О соотношении понятий и причинах создания нового термина // Богословский вестник. 2015. № 18-19.
22. Николаева Н. Г., Кузьмин С. И. Ратная символика в древнеславянском переводе Песни Песней: опыт теолингвистического анализа // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2010. Т. 152. № 6.
23. Олесницкий М. А. Нравственное богословие. 1892. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Markellin_Olesnickij/nravstvennoe-bogoslovie/
24. Панайотис Н. Обожение: основы и перспективы православной антропологии / пер. с англ. Н. Б. Ларионова. М.: Никея, 2011.
25. Подгорский А. В. Дневник в системе мемуарных жанров // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 19.
26. Полный церковно-славянский словарь / сост. протоиерей Г. Дьяченко. М.: Отчий дом, 2009.
27. Постовалова В. И. Теолингвистика в контексте метамоделирования интегративных дисциплин в современном гуманитарном познании // Русский язык за рубежом. 2020. № 1 (278).
28. Рабенко Т. Г. Аксиологические доминанты дневникового жанра (на материале личных дневников) // Сибирский филологический журнал. 2020а. № 2.
29. Рабенко Т. Г. Вариативное функционирование речевого жанра (на материале жанра личного дневника) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1.
30. Рабенко Т. Г. Инвариантные и варианты признаки жанров естественной письменной речи (на материале жанров «личный дневник», «личное письмо», «личная записка») // Жанры речи. 2020б. № 1 (25).

31. Сковородников А. П. О смысловой амбивалентности ключевых слов современного российского политического дискурса (на материале газетных текстов) // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52).
32. Скурат К. Е. Святость Руси. Яхрома: Троицкий собор, 2011.
33. Скурат К. Е. Сотериология святого Афанасия Великого: дисс. ... маг. богосл. М., 1970.
34. Словарь библейских образов / под общ. ред. Л. Райкена, Д. Уилхойта, Т. Лонгмана III. СПб.: Библия для всех, 2005.
35. Смолина А. Н. Духовное письмо-беседа: жанрово-стилистические особенности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 9 (142).
36. Смолина А. Н. Модель описания речевого жанра «духовное эссе»: основные параметры и реализация (теолингвистический аспект) // Научный диалог. 2021. № 10. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152
37. Ткачев Е. В. Монашество // Православная энциклопедия: в 63-х т. / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2017. Т. XLVI. Михаил Пселл - Мопсуестия.
38. Феофан Затворник, святитель. Письма о молитве и духовной жизни. М.: Правило веры, 2008.

Информация об авторах | Author information

Смолина Анджелла Николаевна¹, к. филол. н., доц.
¹ Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Smolina Andzhella Nikolaevna¹, PhD
¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk

¹ angelic2009@mal.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 05.02.2022; опубликовано (published): 31.03.2022.

Ключевые слова (keywords): речевой жанр; модель описания речевого жанра; дневник; духовный дневник; теолингвистика; speech genre; speech genre description model; journal; spiritual journal; theolinguistics.